

Е. В. Рахилина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
rakhilina@gmail.com*

Т. И. Резникова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
reznikova@gmail.com*

М. А. Бородина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
marina.borodina710@gmail.com*

**«ТАМАНЬ СЕГОДНЯ»:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА***

Работа представляет проект Школы лингвистики НИУ ВШЭ по описанию языка XIX века. Он касается мониторинга изменений, которые претерпел русский язык — и прежде всего, конструкции русского языка — первой трети XIX века по сравнению с началом века XXI. Эти изменения, часто затрагивающие (как это бывает именно в конструкциях) одновременно лексику, морфологию и синтаксис, могут быть малозаметны, но нуждаются в регистрации и обобщении. В до-корпусную эпоху многие из них были еще не видны авторам классических трудов по русскому историческому синтаксису — В. В. Виноградову, Н. Ю. Шведовой, Л. А. Булаховскому и др. Материалом проекта служат поздние прозаические тексты М. Ю. Лермонтова. Техническая задача состоит в их сплошной корпусной разметке по выработанной нами системе внутри специально построенного компьютерного ресурса и соотнесении результатов этой разметки с современными языковыми данными, в том числе, экспериментальными. Создаваемый ресурс предназначен для широкого круга специалистов — исследователей истории русского языка,

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах» под рук. Н. А. Слюсарь.

преподавателей, студентов-филологов и лингвистов, а также для всех, кто интересуется русской литературой соответствующего периода.

Ключевые слова: русский язык XIX века, диахронические исследования, исторические изменения русского языка, конструкции, корпусная лингвистика, Лермонтов.

1. Введение

В данной статье мы рассмотрим первые, предварительные результаты проекта «Тамань сегодня». Проект возник как научно-исследовательский семинар в рамках магистратуры Школы лингвистики НИУ ВШЭ в сентябре 2015 года. Тогда мы определяли его главную задачу как поиск и описание устаревших конструкций в текстах XIX века, составление базы данных и разметка корпуса текстов этого периода. Результатом его должен был стать список устаревших конструкций, которые не были описаны или не ощущались таковыми в предшествующих исследованиях. Такие конструкции могли бы служить основой для словаря устаревших конструкций XIX века, а также материалом для лингвистического описания исторических процессов в русском языке. Со временем наша задача расширилась: работа с конкретным материалом показала, что для того, чтобы понимать механизмы диахронических сдвигов в конструкциях, которые аккумулируют в себе языковую информацию всех без исключения уровней, нужно фиксировать все без исключения изменения: и в словоизменении, и в словообразовании, и в синтаксисе, и в лексике.

В современную эпоху регистрация и исследование языковых явлений требует специальных компьютерных инструментов. Специальные инструменты используются для обработки полевых данных, фиксации жестов, сопровождающих речь, графических особенностей текста и проч. Многие из них лингвоспецифичны — и в принципе, каждый значимый язык должен быть всеми этими инструментами полностью обслужен. Работой над созданием линейки такого рода инструментов для русского языка занята, в частности, Школа лингвистики НИУ ВШЭ. Поскольку готового хорошего ресурса, пригодного для решения поставленной нами задачи, мы не нашли, мы приняли нетривиальное решение использовать для этих целей созданный сотрудниками Школы Учебный корпус русского языка (Russian Learner Corpus, или RLC).

На самом деле это не один ресурс, а целое семейство ресурсов, и каждый из них предназначен для разметки определенного рода отклонений от нормы современного русского языка. RLC как таковой размечает ошибки изучающих русский иностранцев. В том же корпусе представлены и тексты детей эмигрантов, или носителей эритажного русского (heritage Russian), унаследовавших язык от родителей, но частично потерявших его в условиях сильного доминантного языка (например, английского). Но на той же платформе создан и другой корпус — корпус русских учебных текстов, или КРУТ, он служит для оптимизации обработки текстов носителей, в речи которых тоже нередко случаются отклонения от принятой языковой

нормы: речь идет об академических студенческих сочинениях (курсовых и дипломных работах, эссе и проч.) Теоретическая задача этих учебных корпусов — собрать материал, по которому можно было бы судить о степени системности тех или иных отклонений от стандартной нормы. По идее, именно эту задачу решают и исторические исследования, материал для которых мы собираем. Поэтому мы решили использовать для них RLC-корпус, несмотря на то, что эти исследования апеллируют к текстам принципиально другой природы и отклонения от современной нормы в них тоже совсем иные.

2. О Корпусе языка XIX века

Итак, в настоящее время основная исследовательская работа ведется нами с помощью Корпуса языка XIX века на платформе <http://web-corpora.net/> — это и есть новый инструмент для исследований «малых» исторических изменений, грамматических, лексических, лексико-синтаксических сдвигов русского языка. В этом корпусе представлен размеченный в пилотном варианте роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840 г.). Он служит материалом для настоящего исследования, поэтому наш проект, который начался с разметки повести «Тамань», и называется «Тамань сегодня».

Все тексты в корпусе автоматически получили морфологическую разметку. Отдельного обсуждения заслуживает классификация случаев отклонения нормы XIX века от современной (или, в условных терминах учебных корпусов, разметка «по ошибкам»).

Проблемой устаревших языковых явлений русского языка XIX века занимались не так много. Мы опирались прежде всего на классические труды Л. А. Булаховского [Булаховский 1948], В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой [Виноградов–Шведова 1964]. Некоторые из размеченных нами конструкций были упомянуты в работе Виноградова–Шведовой, но далеко не все. Во-первых, в 60-е годы XX века многие конструкции не ощущались как устаревшие, а во-вторых, задача исследователей того времени формулировалась принципиально иначе. Они стремились привлечь внимание к отдельным лингвистическим процессам, которые происходили в русском языке в этот исторический период. Нам же интересно понять, в какой степени и по каким лингвистическим причинам устаревает конкретный текст XIX века. В конечном счете, у нашего проекта есть другая, прикладная миссия — помочь современному читателю лучше понимать тексты классической русской литературы, а значит нам необходимо оценить то, что в компьютерной лингвистике называют *readability* [DuBay 2004] текстов первой половины XIX в. на нашем материале.

Таким образом, нам необходима собственная, пусть и предварительная, классификация ушедших языковых явлений XIX века, и на ее основе — последовательная работа с каждым фрагментом текста лермонтовского романа.

Для того чтобы некоторая конструкция (а также слово, морфема, порядок слов и др.) была причислена к устаревшим, мы должны определить временные рамки ее активного употребления, момент ее исчезновения из языка или начало периода

спада ее частотности (по Национальному корпусу русского языка). Для устаревших единиц мы подбираем аналог в современном русском языке (своего рода «перевод» на современный русский) и приводим его в соответствующем поле.

В настоящий момент отклонения от современной нормы классифицируются в Корпусе по следующим признакам:

asp — вид глагола	interrog — вопросительные конструкции
aux — глагол-связка	invers — инверсия
brev — краткая форма	lex — лексика
compar — сравнительная степень	modal — модальность
constr — конструкция	morph — морфология
del — лишнее слово	neg — отрицание
deriv — деривация	num — число
dupl — редупликация	partic — причастие
formula — конструкция-формула (с неизменяемыми слотами <i>Что за диво!</i>)	prep — предлог
gen — родительный падеж	pron — местоимение
gerund — герундий	refl — рефлексив
gov — управление	rel — относительное предложение
insert — не хватает слова	spec — специальная лексика
instr — творительный падеж	syntax — синтаксис
intens — интенсив	wo — порядок слов

3. Устарел ли Лермонтов?

Несмотря на то, что свое главное прозаическое произведение Лермонтов написал почти 200 лет назад, носители русского языка считают его язык вполне современным и правильным, «настоящим русским языком». Они не верят, что одно из главных произведений русской литературы может устареть, тем более что почти все слова в нем выглядят совершенно понятными. И действительно, если сравнивать язык Лермонтова с его современниками, писателями второго ряда, таким как Лажечников, Бестужев-Марлинский и под., его язык, новаторский для своего времени, на их фоне бесспорно выигрывает в отношении readability. И все же, несмотря на это, по нашим оценкам, процент устаревших языковых единиц в «Герое нашего времени» составляет не менее 20.

В эти 20 процентов входят, например, те языковые единицы, которые принято отражать в литературоведческих и лингвистических комментариях к современным изданиям «Героя нашего времени» (ср. [Лермонтов 2007, 2015 и др.]). В таких комментариях дается объяснение устаревшей лексике, — но это лексика ушедших реалий, таких как *червонцы*, *шашка* и т.п. Именно она бросается в глаза при чтении текста прежде всего. В нашей разметке таким лексемам приписывается признак *spec*, однако их более подробное исследование должно быть междисциплинарным, так как в этой области лингвистика граничит с культурологией и историей, и пока оно остается за рамками проекта. Нас интересуют языковые изменения другого

рода, такие, когда реалии сохраняются, а способ их описания — лексема, ее грамматика, синтаксис или целая конструкция, успевают преобразоваться. Например, мы внимательно отслеживаем все случаи мены числового маркирования (ср. устар. *Климаты* или *погоды*), деривационные изменения (я *вошел* (**вместо: вошел**) *в комнату, она села против* (**вместо: напротив**) *меня* и др.), устаревшие фразеологизованные дискурсивные формулы (такие как обращения типа: *Милостивые государи!* или формулы поддержания беседы: *А что ж? — Да так-с* и под.), изменения в порядке слов разного рода (ср. позиция местоимений: *На вершине горы нашли мы снег* → *мы нашли снег*, наречий: *ощупью вошел я* → *я вошел ощупью* и мн. др.). Мы проверяем собственную разметку по НКРЯ, а чтобы объективизировать наши данные, мы проводим эксперименты, и об этих сторонах нашего исследования мы расскажем в следующих разделах.

4. Экспериментальное исследование

Важной частью нашего проекта является экспериментальная проверка собственной разметки, чтобы понять, какие типы конструкций осознаются носителями как устаревшие. В качестве информантов выступили 52 школьника 7–10 классов московских школ. Такой выбор испытуемых обусловлен, среди прочего, чисто техническими ограничениями: наш опросник достаточно объемный, в среднем на него уходит 30 минут. Работу с ним легче организовать на школьном уроке, чем во взрослой аудитории. С другой стороны, именно школьники (как основные читатели классической русской литературы) оказываются нашими главными контрагентами: нам хотелось бы оценить, насколько языковой разрыв мешает им воспринимать тексты XIX в. Наконец, важно, что их языковая норма самая современная — она «младше» той, которая отражена в НКРЯ. Если школьники не чувствуют исторических изменений, на которых настаивает разметчик, значит, скорее всего, их нет.

В то же время, определить их уровень владения старшей нормой не всегда легко — во многих случаях простого ответа на вопрос, старая это конструкция или современная, с их стороны совершенно недостаточно: как выясняется, они могут просто не понимать, что именно сказано в тексте Лермонтова. Иллюзию понимания дает то, что каждое слово по отдельности им хорошо знакомо, но общий смысл целой конструкции уже недоступен, они вкладывают в нее какое-то другое значение.

Поэтому наш эксперимент состоял из заданий двух уровней: на первом школьникам предлагалось выделить устаревшую часть предложения, а на втором дать свой современный перевод этого фрагмента. В заданиях было 20 пунктов. Каждый представлял собой соответствующий отрывок из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», размеченный в Корпусе как содержащий устаревшие конструкции того или иного типа.

В частности, среди них были конструкции, в которых изменилась лексическая сочетаемость, т.е. появились новые лексические ограничения. Эти конструкции являются устаревшими только за счет семантики — их грамматическое

и синтаксическое наполнение осталось прежним. Во второй группе конструкций изменилась грамматико-синтаксическая сочетаемость, например, управление глагола или предлога, но заполнение лексических слотов осталось прежним. Кроме того, в эксперименте участвовали конструкции смешанного типа, в которых изменились и лексические, и грамматические характеристики.

Приведем здесь некоторые предложения из опросника, подкрепляя наиболее интересные или неясные моменты данными НКРЯ.

5. Материал эксперимента

Изменения в лексике и лексической сочетаемости мы обсудим здесь на следующих трех примерах из опросника:

1. **НАНЯТЬ КВАРТИРУ**: *Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города <...>*

2. **СБИТЬ РАЗГОВОР НА ЛОШАДЬ**: *<...> я заговорю о другом, а он, смотришь, тотчас собьет разговор на лошадь Казбича.*

3. **ОТЛИЧНЫЙ ХРАБРЕЦ**: *Груиницкий слывет отличным храбрецом; <...>*

1. **НАНЯТЬ КВАРТИРУ**: *Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука <...>*

Конструкция **НАНЯТЬ [помещение] *N*_{Acc}** (квартиру / дом / комнату и т. п.) действительно вышла из употребления. Возможно, старшему поколению это еще не бросается в глаза, но в НКРЯ последние употребления *нанять квартиру* встречаются в 1950-х гг., *нанять дом* — в 1918-м, а *нанять комнату* — в 1967 г., причем у В. В. Набокова, язык которого не был подвержен новациям. В современном русском языке *нанять жилье* исчезло, оставив только термин *наём жилья / жилье по найму*: лексическая сочетаемость глагола *нанять* изменилась таким образом, что его аккумулятивная валентность может быть заполнена почти исключительно одушевленными существительными:

(1) *Он сказал, что им, олигархам, в принципе бюрократические проблемы по барабану, они могут нанять юристов, адвокатов... а вот простых людей жалко.* [«Новая газета», 2003.01.16]

или существительными, обозначающими множества людей, например, *бригада, команда, компания*:

(2) *<...> купили джипов и «мерседесов», наняли охрану, отправили отпрысков учиться за границей <...>.* [«Советская Россия», 2003.05.15]

(3) *Для поиска среди них лучшего названия наняли фирму, специально занимающуюся наименованием новых брендов <...>.* [«Наука и жизнь», 2009]

Кроме того, *нанять* можно различные транспортные средства — *машину, автобус, лодку* и т. п. В этом случае происходит обязательный (!) метонимический перенос по смежности, ведь нанять машину можно только с шофером — в противном случае это называется *арендовать*. То есть нанимают на самом деле шофера с транспортным средством, но называют только само средство:

(4) *Я нанял машину* (^{??}нанял шофера / ^{??}шофера с машиной) и отправил родителей через Ингушетию в Краснодар, где маму положили в больницу. [«Знамя», 2010]

В XIX в. сочетаемость *нанять* с одушевленными объектами (наряду с помещениями) тоже была возможна:

(5) *Маленькие вы были — мы вас воспитали, мадаму для вас мы наняли, платья вам покупали!* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)],

а с транспортными средствами даже очень частотна:

(6) *Вчера я нанял лодку, чтобы ехать осматривать лучший в мире ботанический сад.* [А. Д. Салтыков. Письма из Индии (1841)].

Любопытно, что в сочетании *нанять извозчика*, за счет которого в том числе достигается эта частотность, проявляется обратный только что обсуждавшемуся метонимический перенос: говорится только о человеке, но имеется в виду коляска, т. е. транспортное средство, которым он управляет.

Как мы видим, во второй половине XX–XXI вв. произошло изменение лексической сочетаемости глагола *нанять*: фактически она сузилось до имен лиц и управляемых ими транспортных средств, исключив ситуацию аренды (помещений, транспорта и проч.).

2. **СБИТЬ РАЗГОВОР НА ЛОШАДЬ**: *Засверкали глазенки у татарчонка, а Печорин будто не замечает; я заговарю о другом, а он, смотришь, тотчас **сбьет разговор на лошадь** Казбича.*

Конструкция **СБИТЬ РАЗГОВОР НА N** встречается в НКРЯ только один раз — в «Герое нашего времени», но в современном русском языке сохранилось смежное рефлексивное значение *сбиться* (*во время чтения доклада*). В современном русском языке есть похожее выражение *перевести разговор на N*. По данным НКРЯ, впервые эта конструкция встречается у И. С. Тургенева в 1862 году, причем в ней мы видим невозможную сегодня лексическую сочетаемость *перевела разговор на другую дорогу* вместо *на другую тему*, — правда, такой пример мы встретили только в этом тексте.

(9) — *Не будемте лучше говорить об этом, Анна Сергеевна. — Отчего же? — возразила она, а сама перевела разговор на другую дорогу.* [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)]

Во второй половине XIX века параллельными формами были *перевести разговор на другую тему*, которое употребляется и сегодня, и *перевести разговор на другой предмет*, последнее единичное употребление которого встречается в 1976 г., а наибольшее число употреблений приходится на конец XIX — начало XX века.

(10) *Потом, несколько овладев собой, она сделала попытку **перевести разговор на посторонний предмет**, к которому они оба могли отнестись равнодушно.* [В. Г. Короленко. Слепой музыкант (1886–1898)]

Сходная семантически, но совсем другая по форме конструкция *сменить тему* является наиболее поздней из описанных выше, первый пример в НКРЯ фиксируется в 1953 году.

(11) <...>и вдруг **круто сменил тему разговора**: — А сам-то ты какого мнения о данном товарище? [Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)]

3. **ОТЛИЧНЫЙ ХРАБРЕЦ**: Грушицкий слывет **отличным храбрецом**; я его видел в деле; он махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза.

В современном русском языке изменилась лексическая сочетаемость прилагательного *отличный* — согласно современной норме, *отличным* может быть назван только безоценочный объект / ситуация. Таким образом, в отличие от *храбрец*, где в самом слове уже заложена определенная оценочная характеристика, *отличным* может быть *студент*, *спектакль*, *кресло*, *ужин*, но никак не: (*отличный*) *здоровяк*, (*отличная*) *красавица* и т. п. Между тем в XIX в. такая сочетаемость была возможна: НКРЯ приводит нам достаточное количество примеров для того, чтобы говорить об устойчивой сочетаемости *отличный*+производные от *храбрый*. С 1812 года по 1911 год встречается 47 таких употреблений, в большинстве своем в контекстах военной тематики, причем пик употреблений приходится на начало XIX века. То же верно и для других оценочных существительных, ср. например, *отличная гениальность* [П. А. Вяземский (1830–1870)], *отличная храбрость* [М. С. Воронцов (1845–1855)], *молодой человек с отличными дарованиями*. [А. В. Никитенко (1826–1855)]. Дело в том, что тогда прилагательное *отличный* имело еще и полноценное значение ‘нерядовой, отличный от остальных, выдающийся из ряда’, которое не успело развиться в чистую оценку, поэтому сегодня прилагательное *отличный* может быть заменено одним из стандартных оценочных антонимов, например, *отличная погода* — *отвратительная погода*, — но этого никак нельзя сделать с приведенными нами примерами XIX в.

Теперь обратимся к конструкциям, для которых релевантны изменения грамматико-синтаксической сочетаемости и в качестве примера рассмотрим следующие

1. **НЕ ПОЧЕЛ ЗА НУЖНОЕ СКРЫВАТЬ**: Часовой, который видел, как Азамат отвязал коня и ускакал на нем, **не почел за нужное скрывать**.

2. **ЕСТЬ ДО ТЕБЯ ПРОСЬБА**: У меня есть до тебя просьба<...>.

3. **ПОМЕСТИЛСЯ В РАССТОЯНИИ**: Я **поместился в некотором расстоянии** на другой лавке <...>.

4. **ТОРГОВАЛА КОВЕР**: Вчера я ее встретил в магазине Челахова; она **торговала чудесный персидский ковер**.

5. **ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ УМЕР**: Я там **чуть-чуть не умер** с голода, да еще в добавок меня хотели утопить.

1. Конструкция с предложным управлением *У ЗА НУЖНОЕ У* до 40-х гг. XIX в. употреблялась параллельно с современной, с беспредложным творительным, при этом лексическая вариативность глагола мнения (вершины конструкции), была минимальной — в основном *почитал*, *считал*, но также *рассудил*,

находил, признал НУЖНЫМ *V*, но с уже в 1850-е гг. привычная нам форма вырвалась вперед, и к концу XIX в. конструкция *V ЗА НУЖНОЕ V* окончательно вышла из употребления (за исключением нескольких статистически незначимых случаев в XX в.). Закрепился и глагол *считать* в форме НСВ, реже — СВ *счесть*. От старой конструкции в современном языке осталось *счесть за труд*, где рефлекс управления сохранился.

2..**ЕСТЬ ДО ТЕБЯ ПРОСЬБА**: *У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у них вечером... <...>*.

Конструкция *V до N просьба* употреблялась до самого конца XIX в. и в основном с бытийным глаголом (последнее употребление у Л. Н. Толстого в 1900 году). Особенностью ее является необычное для сегодняшнего русского языка именное управление: мы говорим *просьба K* кому-л., а не *ДО* кого-л. При этом если с 1850-х гг. она была в параллели с уже существовавшей тогда *V к N просьба*, то в XX веке устаревшая конструкция окончательно исчезла. Рефлекс этой конструкции, который мы наблюдаем в русском языке сегодня, сохранился в *какое N_{Dat} до N_{Acc} дело*.

3. **ПОМЕСТИЛСЯ В РАССТОЯНИИ**: *Я поместился в некотором расстоянии на другой лавке <...>*.

Глагол *поместиться* изменил свою семантику, и как следствие, возможные валентности. На протяжении всего XIX и в начале XX века этот глагол значил то же, что и у Лермонтова ‘разместился, встал, сел’, и только в середине XX века и он, и соответствующая конструкция приобрели современный вид *N ПОМЕСТИЛСЯ В N_{Loc}*, например, *мы все поместились на заднем сидении, вещи поместились в чемодан*. Из семантики глагола ушло значение действия, остался только результат, нахождение в каком-то месте. Мы наблюдаем процесс end-point метонимии [Lakoff 1987], [Brugman 1988].

Предложное управление *в расстоянии* окончательно поменялась на *на расстоянии* сравнительно недавно, в 1940-е гг. Данные НКРЯ свидетельствуют о том, что уже с конца XVIII в. эти предлоги употреблялись параллельно, но *V на расстоянии* значительно реже: *V в расстоянии* встретилось еще в 1721 году, а *V на расстоянии* на 60 лет позднее [А. Н. Радищев, 1783].

(17) <...> *начинается оная у северного берега синуса Финского у Вирелакса, откуда идет оная с полмили от морского берега в землю и останется в расстоянии полумили от воды даже против Виллаиоки, <...> оная тогда в расстоянии трех четвертей мили от морской заливы отстоит, <...> расстоянием в трех милях от Выборга и тако далее, в таком же расстоянии трех миль северной стороной за Выборгом <...>* [Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией (1721)]

Графики распределения по годам в Корпусе показывают нам, что устаревшее на сегодняшний день предложное управление до конца XVIII в. было единственно возможным, и до первой половины XIX в. уверенно лидировало по количеству употреблений. В 1860-е гг. конструкция сравнялась. Спад ее активности наблюдается в последней трети XIX-начале XX века, когда *V*

на расстоянии окончательно вытесняет *V* в расстоянии и закрепляется в языке. Последние отдельные употребления *V* в расстоянии попадают со второй трети XX века, и всегда речь идет о событиях прошедшего века, где мы видим явную стилизацию.

(18) *Отправительная станция была расположена в расстоянии 250-ти метров, и первую в мире телеграмму отправлял сам А. С. Попов.* [«Родина», 1996]

(19) *К полудню, а может быть, и ранее, оба воинства выстроились в расстоянии переклика друг против друга, дважды перегородив червлеными щитами Ярилину Дорогу.* [Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)]

4. **ТОРГОВАЛА КОВЕР:** *Вчера я ее встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковер.*

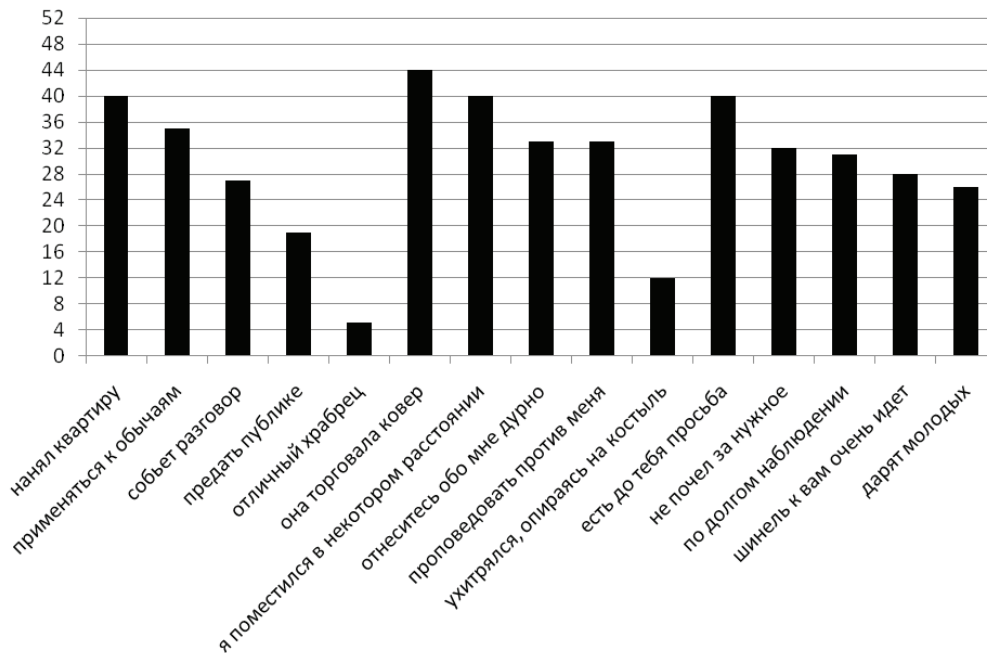
В современном языке глагол *торговать* может значить только ‘продавать’ в конструкции N_{Nom} *продавать* N_{Acc} , а *торговать* употребляется в конструкции N_{Nom} *торговать* N_{Ins} . Лермонтовское значение сохраняет рефлексив *торговаться*, который «поглотил» объект, и осталась только семантика покупки, но в случае Лермонтова княжна именно ‘покупала и торговалась за ковер’, и употребление конструкции N_{Nom} *торговать* N_{Acc} с такой семантикой в XIX веке было возможно.

5. **ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ УМЕР:** *Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще в добавок меня хотели утопить.*

Статистика НКРЯ действительно демонстрирует устаревание редупликации в подобных конструкциях, однако с 1980 года мы все-таки встречаем 75 таких примеров, 35 из которых — XXI века. Тем не менее, мы считаем, что если для носителей старой языковой нормы эта конструкция приемлема, то для молодого поколения она абсолютно устарела, и подтверждается это тем, что с XIX века мы видим ее постепенное угасание. Пик употребления приходится на 1840-е гг., далее мы наблюдаем уверенный спад. Такой процесс представляется нам вполне логичным, потому что вариант конструкции без редупликации *чуть не V* появляется практически одновременно с *ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ V* во второй половине XVIII в., и на протяжении последующих веков количество употреблений конструкции без редупликации всегда превышало редуплицированную минимум в 3 раза.

6. Результаты эксперимента

Количественные результаты эксперимента мы представили на следующем графике. Он демонстрирует его главный итог: в общем, все конструкции, которые мы подобрали для эксперимента, сочтя их устаревшими, были распознаны школьниками как таковые. Иными словами, носители младшей языковой нормы согласились с нашей разметкой. «Лидерами» в этом своеобразном «соревновании» архаизмов стали *нанял квартиру*, *торговала ковер* и *есть до тебя просьба*, а аутсайдерами — *отличный храбрец* и *ухитрился, опираясь на костыль* — однако оценивать количественный разрыв в экспериментальной оценке архаичности остальных конструкций достаточно трудно.

В частности, одной из лингвистических задач эксперимента была проверка гипотезы о том, что школьники лучше всего почувствуют архаичность тех конструкций, в которых изменился грамматический или синтаксический компонент, и хуже всего — тех, в которых изменения затронули только лексические ограничения. Однако как видно из графика, наше предварительное исследование показало, что граница между ними малосущественна и нужны новые экспериментальные исследования, чтобы понять, какие именно факторы действительно играют здесь роль.

Одним из них может, например, оказаться оценка, как в *отличный храбрец*: оценочная лексика вообще быстрее меняется, и может быть, ее отклонения от принятой сочетаемостной нормы (см. подробнее раздел 5) могут восприниматься как вполне допустимые варианты и в целом будут менее значимы и менее заметны для носителя языка.

Еще одним — и в некотором смысле, побочным — результатом нашего эксперимента, стало то, что школьники квалифицировали как устаревшие несколько единиц, которые в нашей разметке отсутствовали. Например, 28 (!) школьников сочли нужным «перевести» конструкцию $N_{НОМ}$ -СЛЫВЕТ $N_{ИНС}$, архаичность которой не подтверждается НКРЯ (хотя в середине XIX века она употреблялась заметно чаще). Очевидно, что здесь младшая норма существенно опережает старшую. Другая «находка» школьников — сужение семантики лексемы *подошва* в контексте *я <...>, нанял квартиру <...> у подошвы Машука <...>...: действительно, в современном русском языке в таком контексте может употребляться только существительное *подножие*. Согласно данным НКРЯ, после 1935 года частотность*

конструкции *подошва*+ *топоним* идет на спад (в Корпусе больше нет таких примеров), тогда как в XIX веке она была более частотной, чем *подножие* + *топоним*.

Наконец, обратим внимание на проблему, которую вскрыло задание на «перевод» архаизмов на современный язык: в строке, где школьникам предлагалось вписать свой вариант устаревшей конструкции, мы часто встречали абсолютно неправильные варианты.

Так, конструкция *она торговала чудесный персидский ковёр* является в эксперименте одним из самых узнаваемых архаизмов. Тем не менее, ни один из информантов не смог перевести ее правильно — на самом деле княжна покупала ковер и торговалась за него, а в интерпретации школьников, она его продавала.

Другой пример. Треть школьников, которые отметили конструкцию <Грушницкий> *слывет ... храбрецом* как устаревшую, дают ей неправильный перевод, например, ‘является храбрецом’, ‘представляет себя храбрецом’, ‘показывает себя отличным храбрецом’, не замечая в ней главный, эвиденциальный, семантический компонент — репортативность: если судить по их переводу, Грушницкий сам ведет себя как храбрец — между тем, *слыть* указывает на то, что такую характеристику ему дают другие.

Эти примеры свидетельствуют о том, что часто школьники не понимают того, что читают, но не осознают этого. Поэтому для популярных изданий, ориентированных в том числе на младшее поколение читателей, видимо, необходимо гораздо более подробное комментирование текста, включающее в том числе и объяснение конструкций, в которых все слова по отдельности могут быть знакомыми, но смысл целого — уже непонятен.

7. Заключение

В данной статье мы рассказали о проекте по изучению устаревших конструкций русского языка «Тамань сегодня». Работа по проекту ведется сразу в нескольких направлениях: специальная разметка романа М. Ю. Лермонтова в Корпусе языка XIX века, классификация и описание устаревших языковых явлений и, экспериментальные исследования этих явлений.

На данный момент примерный механизм работы с устаревшей конструкцией можно представить так:

- Подбор аналога устаревшей конструкции в современном русском языке
- Выявление временных рамок существования конструкции и определение пиков ее употребления в соответствии с данными НКРЯ
- Поиск особенностей употребления устаревшей конструкции на протяжении ее истории, по возможности, описание ограничений
- Сравнение конструкции с ее аналогами — как с уже исчезнувшими, так и с современными.
- Проверка корпусных данных в опросах носителей

Предложенный нами подход позволяет увидеть связь исторических явлений с современным русским языком, проследить, каким образом сложились наблюдаемые нами сегодня конструкции.

Проверка отобранных устаревших конструкций на младшем поколении (школьники старших классов) в большинстве своем подтвердила нашу разметку. При этом в части случаев школьники не вполне осознавали удаленность конструкции от современного узуса и давали ее неправильные «переводы» на современный язык. Общий вывод, который мы делаем из проделанной нами предварительной работы состоит в том, что дети хорошо чувствуют изменения языка, но не всегда могут правильно их истолковать.

За два века своей жизни русский язык претерпел значительные изменения, но мы не представляем себе их масштаб в полной мере. Досконально изучив главный текст Лермонтова, мы получим возможность провести детальный мониторинг языковых изменений от XIX века до наших дней.

Литература

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, 1948.

Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М., 1964.

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М., 2015.

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М., 2015.

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Поэмы. Стихотворения. М., 2007.

Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.

Brugman C. The Story of Over: Polysemy, Semantics and the Structure of The Lexicon. New York, 1988.

DuBay W. H. The Principles of Readability. California, 2004.

Hudson R. Pied Piping in Cognition. 2015.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.

Ekaterina V. Rakhilina

National Research University Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

rakhilina@gmail.com

Tatiana I. Reznikova

National Research University Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

reznikova@gmail.com

Marina A. Borodina

National Research University Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

marina.borodina710@gmail.com

«TAMAN TODAY»: CORPUS RESEARCH OF XIXTH CENTURY'S RUSSIAN LANGUAGE

This article presents a project of the School of Linguistics at the National Research University Higher School of Economics, «Taman today». The aim of this project is to identify obsolete linguistic constructions in the Russian texts of the XIX century, compiling a database and creating an annotated corpus. In our long-term outlook, we have a more applied goal — to help the modern reader understand texts written two centuries ago. We need to estimate the readability of classical Russian literature, thus, the project implies a series of experimental studies. When we collect enough experimental data, we will be able to release a manual for teachers and students, and for anyone who has difficulty with the perception of the classical Russian literature language.

We created the XIXth Century Corpus on web-corpora.net and proceeded to annotate one of the key texts of Russian literature, the novel «A Hero of Our Time» (1840) by Mikhail Lermontov. Although our main problem is obsolete constructions, in the Corpus we have marked not only constructions but all language features of vocabulary, grammar and morphology, because studying constructions requires attention to all morphological and lexical divergence from the current standards.

Our Corpus is designed for a wide range of professionals — researchers of the language history, teachers, philology and linguistics students, as well as for anyone interested in Russian literature of this period.

Key words: Russian language of XIXth century, diachronic study, historical changes of Russian language, constructions, corpus linguistics, readability, Lermontov.

References

- Brugman C. *The Story of Over: Polysemy, Semantics and the Structure of The Lexicon*. New York, 1988.
- Bulakhovskii L. A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka*. Kyev, 1948.
- DuBay W. H. *The Principles of Readability*. California, 2004.
- Hudson R. *Pied Piping in Cognition*. 2015.
- Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago, 1987.
- Lermontov M. Yu. *Geroi nashego vremeni*. Moscow, 2015.
- Lermontov M. Yu. *Geroi nashego vremeni*. Moscow, 2015.
- Lermontov M. Yu. *Geroi nashego vremeni*. Poemy. Stikhotvoreniya. Moscow, 2007.
- Maisak T. A. *Tipologiya grammaticalizatsii konstruktssii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii*. Moscow, 2005.
- Vinogradov V. V., Shvedova N. Yu. *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka*. Moscow, 1964.